

рассматриваемой проблемы, как отношение к произведениям М. А. Шолохова югославской критики. Прежде всего следует отметить, что оно никогда не было пассивно-созерцательным — оценки творчества выдающегося мастера социалистического реализма всегда были связаны с отношением к важнейшим политическим, идеологическим и эстетическим проблемам. Выше указывалось на некоторые моменты, характерные для начального периода знакомства югославов с творчеством М. А. Шолохова. Острой полемикой, борьбой идей характеризуется и подход критики более позднего времени, вплоть до наших дней.

Особое значение для исследования проблемы «Шолохов и Югославия» имеет вопрос о влиянии опыта советского писателя на югославских авторов, поскольку он является наиболее убедительным доказательством вхождения в инациональный литературный процесс. На этот счет существует немало утверждений критиков, есть и не замеченные, не освещенные пока факты. Тем не менее вопрос этот сложен: факты, квалифицируемые как результат влияния, могут быть обусловленными историко-типологическим сходством; традиции литературных взаимосвязей, с одной стороны, увеличивают вероятность усвоения опыта отдельного писателя, но с другой — предполагают воздействие литературы в целом; национальная специфика идейно-эстетических задач на разных этапах истории югославского общества вызывала не только сближение с опытом советской литературы, но и отталкивание от него. Кроме того, длительное время в югославской критике утвердившимся было мнение, которое может быть выражено словами П. Зарича: «Наша революция не имела своего Шолохова»⁷.

При всем этом анализ большого ряда фактов доказывает отражение опыта М. А. Шолохова в литературе народов Югославии, непосредственно в романах «Село за семью ясенями» Славко Яневского, «Прорыв» и «Глухой порохов» Бранко Чопича, «Далеко солнце», «Разделы» и «Время смерти» Добрицы Чосича, «За светлыми горизонтами» Мишко Краньца и др. Обращение югославских писателей к опыту выдающегося советского мастера не ограничивается ни отдельными произведениями, ни жанром, ни какими-то хронологическими рамками.

В целом можно с уверенностью утверждать, что творчество М. А. Шолохова более полувека является значительным фактором литературной жизни Югославии. Переводы каждого из его произведений были событиями большой важности, а интерес к ним с момента первого выхода не ослабевает до сих пор. Для югославской критики творческие достижения Шолохова играли важную роль в формировании эстетических критериев и методологических принципов. Наличие в литературах народов Югославии тенденций, близких творческим поискам советского писателя, создало благоприятные условия для освоения его художественных открытий.

¹ См.: Прийма К. «Тихий Дон» сражается.— М., 1975, с. 234.

² Мещерякова А. «Тихий Дон» в литературе Югославии.— Вестн. Московского ун-та. Филология, 1978, № 5, с. 9.

³ Романенко А. Шолохов в Югославии (Некоторые новые материалы).— Дон, 1981, № 4, с. 144.

⁴ Flaker A. Jugoslovenske književnosti i djela Mihaila Solohova.— Kolo, 1967, br. 10, s. 248—249.

⁵ Вулетић В. Шолохов код Срба и Хрвата.— Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, кн. IX, 1966, с. 279.

⁶ Price R. Mixel Soloxov in Jugoslavia: Reception and Literari impact.— New York, 1973.

⁷ Цит. по кн.: Художественный опыт литератур социалистических стран.— М., 1967, с. 250.

Л. С. СЕРЕДЕНКО

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ДЕКАБРИСТА М. С. ЛУНИНА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Первые воспоминания современников о М. С. Луние относятся ко второй половине XIX — началу XX веков. Публицистические произведения и письма декабриста не были доступны широкому читателю в то время, когда автор находился на каторге и в ссылке, когда перо стало его единственным оружием в борьбе с самодержавием. Лунин как политический бо-

рец и памфлетист оживает на страницах «Полярной звезды» А. Герцена в 60-е годы XIX века. И лишь в 20-е годы XX столетия под редакцией С. Штрайха издаются его статьи и письма. Многие историки (М. Азадовский, С. Гессен, С. Окунь) обращались к освещению его личности. Но художественных произведений, где бы Лунин был в центре повествования, кроме рассказа О. Д. Форш «Верный спутник», в советской литературе не было. Только в 70—80-е годы появились книги, посвященные необычной и яркой судьбе декабриста, Н. Эйдельмана «Лунин» (1970), В. Гусева «Легенда о синем гусаре» (1976), Н. Растрепина «Орлиный клик» (1980), С. Ермолинского «Голубая звезда» (1981). Авторы названных произведений, создавая художественный образ реального человека, использовали архивные материалы, документы, факты, на основе которых выстраивался сюжет повествования о жизни М. Лунина. Книги этих авторов отличаются друг от друга и широтой охвата исторического материала, и в художественном отношении, и способами раскрытия героического характера.

Книга «Лунин» явилась удачей не только в биографическом жанре, но и в историко-революционной прозе в целом. Н. Эйдельман, совмещая в одном лице историка, исследователя и писателя, раскрывает образ своего героя, с одной стороны, постигая внутреннюю логику характера, его интеллектуальную, эмоциональную силу и глубину, с другой, исследуя его личность в контексте эпохи, в связи с историческими событиями, с социальными, философскими, политическими идеями того времени. Главным в создании образа декабриста является строго документированное повествование. Идет поиск героя, реконструкция индивидуальности на основании бесчисленных источников: писем, воспоминаний современников, официальных документов, извлеченных из архивов. Композиционное построение, вдумчивое прочтение материала, который отшлифовывает грани личности декабриста, заостряют внимание не только на событиях жизни, а, главное, на причинах, мотивах поступков и решений, на итогах, в свою очередь являющихся вновь отправным моментом действия. Вероятно, поэтому, обращаясь к созданному Н. Эйдельманом образу Лунина, историки и литературоведы находят общие точки соприкосновения, но приходят к различным выводам. Так, в статье-рецензии К. Шилов считает, что более всего «Лунин» — это историческое исследование, научная биография. «Книга Н. Я. Эйдельмана, во многом использующая материалы монографии С. Б. Окуня, не просто первая отличная популяризация лунинских материалов. Это — глубоко научная, в основе своей, популяризация, включающая и гипотезы, и публикации новых документов»¹. Авторы сборника «Утверждение личности» Г. Цурикова и И. Кузьмичев подчеркивают принадлежность произведения именно к области художественной литературы: «Книга на грани художественного и научного постижения мира. И хотя «Лунин» Н. Эйдельмана — это, конечно, не повесть, даже в самом условном и расширенном понимании, книга, безусловно, относится к области художественной литературы, при всей необычности для беллетристики ее стилистических и композиционных приемов»².

Можно определить произведение Н. Эйдельмана «Лунин» как историко-документальный роман-биографию, если рассматривать его в рамках неканонического романа. Исследование многогранной, многомерной личности М. Лунина связывается не только с процессом становления и развития его характера и самосознания, но и с решением многих возможных вариантов, догадок проявления его человеческой натуры в сложных жизненных ситуациях. Бунт сильной личности содержал в себе различные пути реализации, но главным явилось участие в заговоре, в создании тайных обществ, принятие обвинений осужденных по второму разряду и неугасимая сила борьбы до последнего часа жизни, которая нашла свое продолжение в народном подвиге А. Герцена и революционеров 60-х годов.

Появившаяся несколько лет спустя повесть В. Гусева «Легенда о синем гусаре» стала новым этапом художественного поиска личности декабриста. Критик В. Кардин в статье «Допрашивая архивы» выделяет в повести В. Гусева прежде всего то, что автор пытается постичь сложный внутренний мир героя, проследить линию судьбы близкого друга многих известных декабристов. «Если декабристы вообще были «белыми воронами», то Лунин из повести В. Гусева «белая ворона» вдвойне — настолько не похож на сотоварищей. Психология «белой вороны» наиболее сложна и парадоксальна»³.

«Легенда о синем гусаре» окрашена романтической стиливой тональностью. Факты, события плавно, последовательно связаны без очеркового упоминания о предшествующем, скучных перечислений, необходимых для того, чтобы ввести читателя в центр действия. Блестящий гусар, дуэлянт, отважный воин, декабрист-мыслитель, революционер, знакомый с лучшими просвещенными людьми XIX века, близкий в равной степени к царскому окружению и ссыльнокаторжным, человек удивительной судьбы Лунин на страницах повести обретает живую плоть и душу. Достоверность, документальность в создании образа сочетается у автора с особым видением героя, элементами вымысла, фантазии. Романтический порыв к светлому, справедливому, самопожертвование, отказ от личного счастья становятся зримыми чертами Лунина из «Легенды...».

Не раз прозвучит в повести вопрос: «Кто вы, Луний?» Но четкого ответа на него нет. Недостаточно для Анны Потоцкой, матери Натали, признания Лунина, что он причастен к тем страшным петербургским событиям 14 декабря, поэтому не имеет права рисковать судьбой ее дочери. Неполным кажется ответ Лунина ревизору Пушину, когда он по долгу службы оказался в Акатуйской тюрьме, смог увидаться и говорить с узником, пытался понять, почему декабрист по-прежнему бросает вызов власти, почему, пройдя через горнило страданий, не извлекает из них никаких уроков. В их беседе, полусерьезной, полусветской прозвучит философское, неконкретное объяснение: «Истинных причин наших действий никто не знает, даже мы сами, я таков, и всё, а вы таковы — и хоть разбейся».

В. Гусев видит своего героя «человеком ума и духа», который утверждает: «Делая нечто, я должен сознавать, что это сейчас отвечает моему чувству истины». Еще не совершив самого дела, принимает кару, не открыв настоящего применения своим силам, ожидает найти его в будущем. Но главный выбор в жизни был сделан, когда оказался в рядах осужденных декабристов. Многие не ожидали его здесь увидеть, а для него, Лунина, все ясно, оправданно. «Но где же мне быть?» — вот единственное, верное, то, что сейчас отвечает чувству истины.

Поиск самого себя, угнетающее сомнение, желание постичь суть вещей — постоянные спутники Лунина. Сознывая свою исключительность, видя непонимание со стороны окружающих, он пытается найти разгадку, разомкнуть круг одиночества. Стремление донести до читателя понимание конкретной личности в ее целостности, раскрыть героический характер во всех противоречиях сочетается у В. Гусева с особым взглядом на личность декабриста, ставшего в «Легенде...» образом романтического непобедимого борца, рыцаря чести, добра и справедливости.

Н. Растрепин и С. Ермолинский предпочли рассказать о своем герое в рамках привычной, ставшей почти традиционной исторической повести. Для «Орлиного клика» характерно неторопливое, незамысловатое повествование, последовательно передающее основные события жизни М. Лунина начиная с 1814 года, когда русские войска взяли Париж, и кончая его смертью в Акатуе. Автор не скрывает своих симпатий к герою, выделяет его отличительные черты: непреклонность, верность до конца своим убеждениям, мужество в неравной борьбе с царизмом. На первом плане — передача поступков, основных моментов биографии, изображение декабриста в водовороте исторических событий, в тесном дружеском окружении людей, разделяющих его политические убеждения, и в столкновении с представителями власти. Переходом Лунина к новой точке зрения от первоначального дерзкого и решительного замысла убить царя к убеждению, что нужна прежде всего «ясная программа» и «хорошо организованная дружина», ставится проблема уровня развития личности. В описании жизни на каторге и в ссылке проблема заостряется: Луний считает, что декабристы после поражения, после долгих лет заключения ответственны за начатое дело и должны продолжить борьбу. Но до решения проблемы далеко, потому что не выявлены причины, мотивы поведения героя.

Скрытые завесой времени отношения Лунина и Натали Потоцкой на страницах повести расшифровываются почти буднично. Великий князь Константин, покровительствуя своему адъютанту, сочувствует его привязанности к Потоцкой, способствует расположению к нему матери Натали. Прекрасная панна тайно встречается с Луниным в парке. Но эпизод свидания обедняет образы. Подобные сцены так часто встречаются в других произведениях, так похожи друг на друга обстановкой, поведением персонажей, что грозят главным героям утратой индивидуальности. Попытка постичь,

разгадать незаурядную личность, представить убедительно сложный путь ее развития разрешена автором больше с событийной, сюжетной стороны, нежели в глубоком психологическом проникновении в логику характера.

В «Голубой звезде» С. Ярмолинского точка отсчета событий — весна 1841 года, когда над Луниным, отбывшим каторгу и прожившим пять лет на поселении, готовится заговор. Через мало значащее, второстепенное лицо повести, генерала Копылова, кратко обрисовывается личность главного героя, события его жизни в ссылке. О самом ярком, интересном в биографии Лунина узнаем из беглого пересказа. В повести пересекаются несколько линий: первая — жизнь Лунина в ссылке, вторая — служба чиновника Успенского, исполнителя поручений генерала-губернатора Рулберта, образа явно непривлекательного; третья — воспроизведение героического прошлого декабриста. Драматизированная сцена ареста Лунина становится кульминацией действия. Но разговор-поединок декабриста и царского чиновника недостаточно убедителен: трудно поверить, что преуспевающему, но довольно ничтожному Успенскому Лунин, понимая причины и последствия этой встречи, мог говорить о высоком предназначении человека, о своем понимании смысла жизни. Перемещение центра рассказа от Лунина к Успенскому нарушает структуру восприятия образа.

Образ декабриста М. С. Лунина, созданный названными авторами, обнаруживает различные принципы изображения характера реального исторического человека. М. Лунин интересно, значительно предстает в изображении Н. Эйдельмана и В. Гусева, несмотря на явное различие в формах повествования, документальной и художественной, так как главным у этих писателей стали раскрытие причин, мотивов поведения героя, постижение внутренней логики его характера, исследование личности в контексте эпохи.

¹ Освободительное движение в России, 1971, № 1, с. 131.

² Цурикова Г., Кузьмичев И. Утверждение личности. — Л., 1975, с. 34.

³ Вопросы литературы, 1977, № 7, с. 48—49.

И. С. СКОРОПАНОВА

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ПОЭЗИИ А. ТАРКОВСКОГО

Лирика А. Тарковского обращается к жизни человеческого духа как главному предмету изображения. Генетически она восходит к творчеству Ф. Тютчева с его интеллектуальной эмоциональностью, напряженным психологизмом, впитывает художественные достижения символистов, цементируется идеей самоусовершенствования личности.

Произведения художника зримо запечатлели путь его духовных исканий на протяжении полувека творческой биографии (20 — 70-е годы). Между тем в стихотворениях почти нет реалий его внешней, повседневной жизни, конкретных биографических фактов и сведений. Тарковского интересуют процессы, происходящие во внутреннем мире человека. Но и их изображение получает у художника преимущественно опосредованное преломление: за счет использования развернутых метафорических картин, символов, аллюзий. Как бы отрешаясь от несущественного, второстепенного, Тарковский выдвигает на первый план диалектику духовного самоопределения и созревания личности. Центральный образ его поэзии — образ лирического «я», эволюцию которого можно раскрыть, пользуясь словами М. Шолохова, как процесс «увеличения души». Для характеристики этого образа поэт прибегает к исповеди, самоанализу, воспоминаниям, нравственно-философским размышлениям.

В стихотворении «До стихов» автор воспроизводит юношески-романтическое представление о своем будущем, неразрывно связанное с мыслями о творчестве. Вся предстоящая жизнь виделась ему праздником, судьба воспринималась в образе «неопалимой купины», предощущение красоты и богатства мира обжигало душу. Не случайно строки произведения как бы теснят друг друга, не давая перевести дыхание, — синтаксис стихотворения великолепно передает владеющее героем настроение все более нарастающих ожиданий и надежд.

Это идеализированное мироощущение, показывает Тарковский, не совпало с реальным ходом жизни: стать настоящим поэтом, крупной, значи-